

Толстой Лев Николаевич

Чем люди живы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Чем люди живы / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
36 с.

ISBN 978-5-519-77148-1

ISBN 978-5-519-77148-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сниму. А то что жь это! По двугривенному отдасть! Ну что на двугривенный сдѣлаешь? Выпить—одно. Говорить: „нужда“. Тебѣ нужда, а мнѣ не нужда? У тебя домъ, и скотина, и все, а я весь тутъ; у тебя свой хлѣбъ, а я на покупномъ; откуда хочешь, а три рубля въ недѣлю на одинъ хлѣбъ подай. Приду домой, а хлѣбъ дошелъ. Опять полтора рубля выложь. Такъ ты мнѣ мое отдай.

Подходить такъ сапожникъ къ часовнѣ у поворотка, глядитъ, за самой за часовней что-то бѣлѣется. Стало ужъ смеркаться; приглядывается сапожникъ, а не можетъ разсмотрѣть, что такое. Камня, думаетъ, здѣсь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. Съ головы похоже на человѣка, да бѣло что-то. Да и человѣку зачѣмъ тутъ быть?

Подошелъ ближе—совѣтъ видно стало. Что за чудо: точно человѣкъ, живой ли, мертвый, голышомъ сидитъ, прислоненъ къ часовнѣ и не шевелится. Странно стало сапожнику, думаетъ себѣ: „убили какіе-нибудь человѣка, раздѣли да и бросили тутъ. Подойди только и не раздѣлаешься потомъ.“

И пошелъ сапожникъ мимо. Запелъ за часовню—не видать стало человѣка. Прошелъ часовню, оглянулся, видитъ: человѣкъ отслонился отъ часовни, шевелится, какъ будто приглядывается. Еще больше заробѣлъ сапожникъ, думаетъ себѣ: „подойти или мимо пройти? Подойти—какъ бы худо не было, кто его знаетъ, какой онъ? Не за добрыя дѣла попалъ сюда. Подойдешь, а онъ вскочитъ да задушить, и не уйдешь отъ него; а не задушить, такъ поди возжайся съ нимъ. Что съ нимъ, съ голымъ, дѣлать? Не съ себя же снять, послѣднее отдать. Пронеси только Богъ!“

И прибавилъ сапожникъ шагу. Сталъ ужъ проходить часовню, да зазрила его совѣсть.

И остановился сапожникъ на дорогѣ.

— Ты что же это, говорить на себя,—Семень, дѣлаешь? Человѣкъ въ бѣдѣ помираетъ, а ты заробѣлъ. мимо идешь. Али даже разбогатѣлъ? Боишься, ограбятъ богатство твое? Ай, Сема, не ладно!

Повернулся Семень и пошелъ къ человѣку.

II.

Подходитъ Семень къ человѣку, разглядываетъ его и видитъ: человѣкъ молодой, въ силѣ, не видать на тѣлѣ побоевъ, только видно измержъ человѣкъ и напуганъ,—сидитъ прислонясь и не глядитъ на Семена, будто ослабъ; глазъ поднять не можетъ. Подошелъ Семень вплотъ, и вдругъ какъ будто очнулся человѣкъ, повернулъ голову, открылъ глаза и взглянулъ на Семена. И съ этого взгляда полюбился человѣкъ Семену. Бросилъ онъ на земь валенки, распоясался, положилъ подпояску на валенки, скинулъ кафтанъ.

— Будетъ, говорить,—толковать-то. Одѣвай что ли. Ну-ка.

Взялъ Семень человѣка подъ локоть, сталъ поднимать. Поднялся человѣкъ. И видитъ Семень тѣло тонкое, чистое, руки, ноги не ломанныя и лицо умильное. Накинулъ ему Семень кафтанъ на плечи. Не попадаетъ въ рукава. Заправилъ ему Семень руки, натянулъ, запахнулъ кафтанъ и подтянулъ подпояскою.

Снялъ было Семень шапку рваную, картузь хотѣлъ на него надѣть, да холодно головѣ стало; думаетъ:

„у меня лысина во всю голову, а у него виски курчавые, длинные.“ Надѣлъ опять. „Лучше сапоги ему обую.“

Посадилъ его и сапоги валеные обулъ ему.

Одѣлъ его сапожникъ и говорить:

— Такъ-то, братъ. Ну-ка разминайся, да согрѣвайся. А эти дѣла всѣ безъ насъ разберутъ. Идти можешь?

Стоитъ человѣкъ, умильно глядитъ на Семена, а выговорить ничего не можетъ.

— Что же не говоришь? Не зимовать же тутъ. Надо къ жилию. Ну-ка, на вотъ дубинку мою, обопришь. коли ослабѣ. Раскачивайся-ка.

И пошелъ человѣкъ. И пошелъ легко, не отстаетъ.

Идутъ они дорогой, и говоритъ Семень:

— Чей значить будешь?

— Я не здѣшній.

— Здѣшнихъ-то я знаю. Попалъ-то значить какъ сюда, подѣ часовню?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Должно люди обидѣли?

— Никто меня не обидѣлъ. Меня Богъ наказалъ.

— Извѣстно все Богъ, да все же куда-нибудь прибаваться надо. Куда надо-то тебѣ?

— Мнѣ все равно.

Подивился Семень. Не похожъ на озорника, и на рѣчахъ мягокъ, а не рассказываетъ про себя. И думаетъ Семень, мало-ли какія дѣла бываютъ. И говоритъ человѣку:

— Чтожъ, заходи ко мнѣ въ домъ, хоть отойдешь мало-мальски.

Подходитъ Семень ко двору, не отстаетъ отъ него странникъ, рядомъ идетъ. Поднялся вѣтеръ, прохватываетъ Семена подѣ рубаху, и сталъ съ него сходить.

хмѣль и прозябать сталъ. Идетъ онъ, носомъ посапываетъ, запахиваетъ на себѣ куртку бабью и думаетъ: „вотъ-те и шуба: пошелъ за шубой, а безъ кафтана приду, да еще голаго съ собой приведу. Не похвалить Матрена!“ И какъ подумаетъ объ Матренѣ, скучно станетъ Семену. А какъ поглядитъ на странника, вспомнитъ, какъ онъ взглянулъ на него за часовней, такъ разыграетъ въ немъ сердце.

III.

Собралась Семенова жена рано. Дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусила и задумалась; задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

„Если, думаетъ, Семенъ тамъ пообѣдаетъ да много за ужиномъ не съѣстъ, на завтра хватитъ хлѣба.“

Повертѣла, повертѣла Матрена краюху, думаетъ: „не стану нынче хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ.“

Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить. Шьетъ и думаетъ Матрена про мужа, какъ онъ будетъ овчины на шубу покупать.

„Не обманулъ бы его овчинникъ. А то простъ ужъ очень мой-то. Самъ никого не обманетъ, а его малое дитя проведетъ. Восемь рублей деньги не малыя. Можно хорошую шубу собрать. Хоть не дубленая, а все шуба. Прошлую зиму какъ бились безъ шубы! Ни на рѣчку выдти, ни куда. А то вотъ пошелъ со двора, все на себя надѣлъ, мнѣ и одѣтъ нечего. Не рано пошелъ. Пора бы ему. Ужъ не загулялъ ли соколикомъ-то мой?“

Только подумала Матрена, заскрипѣли ступеньки на крыльцѣ, кто-то вошелъ. Воткнула Матрена иголку, вышла въ сѣни. Видитъ, вошли двое: Семень и съ нимъ мужикъ какой-то, безъ шапки и въ валенкахъ.

Сразу почуяла Матрена духъ винный отъ мужа. Ну, думаетъ, такъ и есть загулялъ. Да какъ увидѣла, что онъ безъ кафтана, въ куртупкѣ въ одной, и не несетъ ничего, а молчить, ужимается. оборвалось у Матрены сердце. Пропилъ, думаетъ, деньги, загулялъ съ какимъ-нибудь непутевымъ да и его еще съ собой привелъ.

Пропустила ихъ Матрена въ избу, сама вошла, видитъ, человекъ чужой, молодой, худощавый, кафтанъ на немъ ихній. Рубахи не видать подъ кафтаномъ, шапки нѣтъ. Какъ вошелъ, такъ сталъ, не переводится и глазъ не поднимаетъ. И думаетъ Матрена: не добрый человекъ—боится.

Насупилась Матрена, отошла къ печи, глядитъ, что отъ нихъ будетъ.

Снялъ Семень шапку, сѣлъ на лавку какъ добрый.

— Что жъ, говорить, — Матрена, давай ужинать что-ли?

Пробурчала что-то себѣ подъ носъ Матрена. Какъ стала у печи—не переведется: то на одного, то на другого посмотреть и только головой покачиваетъ. Видитъ Семень, что баба не въ себѣ, да дѣлать нечего, какъ будто не примѣчаетъ, беретъ за руку странника.

— Садись, говорить,—братъ, ужинать станемъ.

Сѣлъ странникъ на лавку.

— Что же, али не варила?

Взяло зло Матрену.

— Варила да не про тебя. Ты и умъ, я вижу, пропилъ. Пошелъ за шубой, а безъ кафтана пришелъ, да

еще какого-то бродягу голаго съ собой привелъ. Нѣтъ у меня про васъ, пьяницъ, ужина.

— Будетъ, Матрена, что безъ толку-то языкомъ стрекотать? Ты спроси прежде: какой человѣкъ....

— Ты сказывай, куда деньги дѣвалъ?

Полѣзь Семенъ въ кафтанъ, вынулъ бумажку, развернулъ.

— Деньги вотъ онѣ, а Трифионовъ не отдалъ, завтра посулился.

— Еще пуще взяло зло Матрену: шубы не купилъ, а послѣдній кафтанъ на какого-то голаго надѣлъ, да къ себѣ привелъ.

Схватила со стола бумажку, понесла прятать, сама говоритъ.

— Нѣтъ у меня ужина. Всѣхъ пьяницъ голыхъ не накормишь.

— Эхъ, Матрена, поддержи языкъ-то. Прежде послушай, что говорятъ....

— Наслушаешься ума отъ пьянаго дурака. Не да-ромъ не хотѣла за тебя, пьяницу, замужъ идти: матушка мнѣ холсты отдала—ты пропилъ, пошелъ шубу купить—пропилъ.

Хочетъ Семенъ растолковать женѣ, что пропилъ онъ только двадцать копѣекъ, хочетъ сказать, гдѣ онъ человѣка нашелъ, не даетъ ему Матрена слова вставить; откуда что берется, по два слова вдругъ говоритъ. Что десять лѣтъ тому назадъ было, и то все помянула.

Говорила, говорила Матрена, подскочила къ Семену, схватила его за рукавъ.

— Давай поддевку-то мою. А то одна осталась, и ту съ меня снялъ, да на себя наперъ. Давай сюда, конопатый песъ, пострѣлъ тебя расшиби!

Сталъ снимать съ себя Семенъ куцавейку, рукавъ вывернулъ; дернула баба, затрепала въ швахъ куцавейка. Схватила Матрена поддевку, на голову накиннула и взялась за дверь. Хотѣла уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось—хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой такой человѣкъ.

IV.

становилась Матрена и говоритъ:

— Кабы добрый человѣкъ, такъ голый бы не былъ, а то на немъ и рубахи-то нѣтъ; кабы за добрыми дѣлами пошелъ, ты бы сказалъ, откуда привелъ щеголя такого.

— Да я сказываю тебѣ: иду, у часовни сидитъ этотъ раздѣмши, застылъ совѣмъ. Не лѣто вѣдь нагишомъ-то. Нанесъ меня на него Богъ, а то бы пропасть. Ну какъ быть? Мало-ли какія дѣла бываютъ! Взялъ, одѣлъ и привелъ сюда. Утиши ты свое сердце. Грѣхъ, Матрена. Помирать будемъ.

Хотѣла Матрена изругаться, да поглядѣла на странника и замолчала. Сидитъ странникъ, не повельнется, какъ сѣлъ на краю лавки. Руки сложены на колѣняхъ. голова на грудь опущена, глазъ не раскрываетъ, и все морщится, какъ будто душить его что. Замолчала Матрена. Семенъ и говоритъ:

— Матрена, али въ тебѣ Бога нѣтъ?!

Услыхала это слово Матрена, взглянула еще на странника, и вдругъ сошло въ ней сердце. Отошла она отъ двери, подошла къ печному углу, достала ужинать. Поставила чашку на столъ, налила квасу, выложила краюшку послѣднюю. Подала ножъ и ложки.

— Хлебайте чтоль, говоритъ.

Подвинулъ Семёнъ странника.

— Пролѣзай, говоритъ,—молодець.

Нарѣзалъ Семёнъ хлѣба, накрошилъ, и стали ужинать. А Матрена сѣла объ уголъ стола, подперлась рукой и глядитъ на странника.

И жалко стало Матренѣ странника, и полюбила она его. И вдругъ повеселѣлъ странникъ, пересталъ морщиться, поднялъ глаза на Матрену и улыбнулся.

Поужинали; убрала баба и стала спрашивать странника:

— Да ты чей будешь?

— Не здѣшній я.

— Да какъ же ты на дорогу-то попасть?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Кто жъ тебя обобралъ?

— Меня Богъ наказалъ.

— Такъ голый и лежалъ?

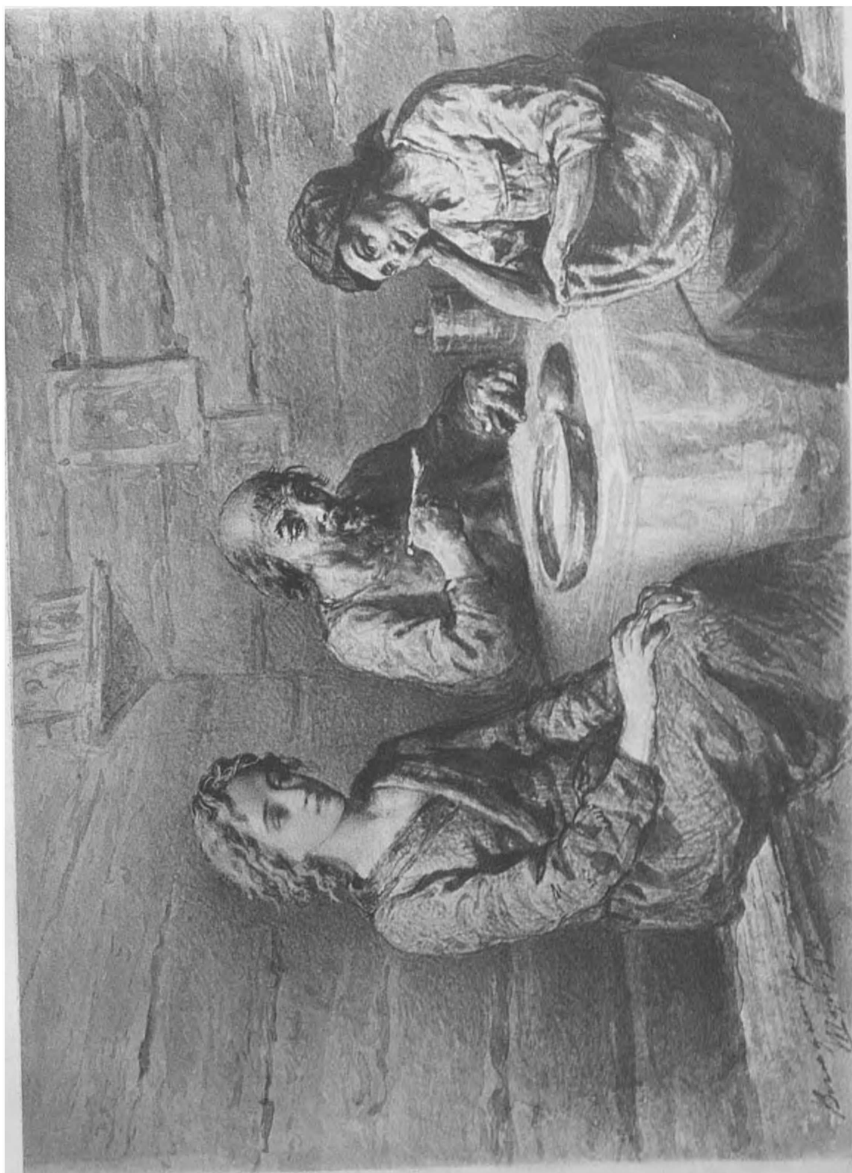
— Такъ и лежалъ нагой, замерзалъ. Увидалъ меня Семёнъ, пожалѣлъ, снялъ съ себя кафтанъ, на меня надѣлъ и велѣлъ сюда придти. А здѣсь ты меня накормила, напоила, пожалѣла. Спасетъ васъ Господь!

Встала Матрена, взяла съ окна рубаху старую Семенову, ту самую, что платила, подала страннику; напла еще портки, подала.

— На, вотъ, я вижу у тебя и рубахи-то нѣтъ. Одѣнься, да ложись, гдѣ полюбится, на хоры, али на печь.

Снялъ странникъ кафтанъ, одѣлъ рубаху и легъ на хоры. Потушила Матрена свѣтъ, взяла кафтанъ и полѣзла къ мужу.

Прикрылась Матрена концомъ кафтана, лежитъ и не спитъ: все странникъ ей съ мыслей не идетъ.

Броуновская Успенская Покрова - 1864, Москва

Броуновская
Успенская

Какъ вспомнить, что онъ послѣднюю краюшку до-
ѣлъ и на завтра нѣтъ хлѣба, какъ вспомнить, что ру-
баху и портки отдала, такъ скучно ей станетъ, а вспо-
мнить, какъ онъ улыбнулся, и разыграетъ въ ней сердце.

Долго не спала Матрена, и слышитъ—Семенъ тоже
не спитъ, кафтанъ на себя тащитъ.

— Семенъ!

— А!

— Хлѣбъ-то послѣдній поѣли, а я не ставила. На-
завтра не знаю какъ быть. Нечто у кумы Маланы по-
прошу.

— Живы будемъ, сыты будемъ.

Полсжала баба, помолчала.

— А человѣкъ видно хорошій, только чтожъ онъ не
сказываетъ про себя?

— Должно нельзя.

— Сѣмъ!

— А!

— Мы-то даемъ, да чтожъ намъ никто не даетъ?

Не зналъ Семенъ что сказать. Говоритъ: „будетъ
толковать-то.“ Повернулся и заснулъ.

V.

На утро проснулся Семенъ. Дѣти спятъ, жена по-
шла къ сосѣдямъ хлѣба занимать. Одинъ вчераш-
ній странникъ въ старыхъ портеахъ и рубахѣ на лав-
кѣ сидитъ, изверху смотритъ. И лицо у него противъ
вчерашняго свѣтлѣе.

И говоритъ Семенъ:

— Чего-жъ, милая голова: брюхо хлѣба просить, а